

БЕДНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

.....

С.С. Ярошенко*

Переход России к рыночным отношениям обернулся ростом числа бедных и реабилитацией бедности как объекта анализа и управления. Как и два столетия назад — во времена индустриальной революции и формирования ранней версии капитализма, в постсоциалистических странах бедность наконец признана социальной проблемой.

Осознание проблемы бедности отнюдь не означает, что данный феномен не существовал прежде или что только изменились формы его проявления. На наш взгляд, последствия гораздо глубже и касаются изменения природы социального явления. Бедность из «естественного состояния» становится конструктом — результатом изменившихся условий существования, в том числе научного знания, социальной политики и реакций населения. Разница очевидна при сравнении восприятия бедности и бедных в разные исторические эпохи.

В докапиталистическом обществе бедность считалась приемлемой или даже идеальной формой существования, что нашло отражение в канонизации образов бедствующих людей и образовании «нищенствующих» монашеских орденов. Нужда признавалась духовно облагораживающим условием жизни [16, р. 474]¹. Моральное принятие бедности проявилось в ценностной системе, которая отводила экономическому развитию незначительную роль, поощряла аскетизм и основывалась на идеале духовного, а не материального обогащения. За бедность и ее крайнюю форму проявления — нищенство, требующее обязательного общественного вспомоществования, индивидуальная ответствен-

* Ярошенко Светлана Сергеевна, кандидат социологических наук, заведующая сектором экономической социологии ИСЭиЭПС Коми научного центра Уральского отделения РАН, научный сотрудник Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) (г. Москва). Электронная почта: s_yaroshenko@online.ru.

¹ На подобное отношение повлияли религиозные постулаты и христианская традиция, согласно которым помощь нищим была богоугодным делом, а бедность — принципом жизни, сознательно выбираемым и отстаиваемым: «Продайте все, что имеете, и следуйте за мной»; «Богатым дарует Бог серебро нищим ради»; «Блаженны нищие по велению своего духа».

ность не возлагалась. Поскольку бедные и их нужды находились в сфере религии и церкви, домашней экономики и отношений с господином, гражданская власть их проблемами не занималась.

По мнению К. Поланьи, такое отношение было отличительной особенностью нерыночных систем обмена и распределения, в которых индивид действует не ради личного обогащения, а ради сохранения и упрочения своего статуса, привилегий и прав в (со)обществе. Материальные предметы для него имеют ценность лишь постольку, поскольку они служат достижению этой цели. Приоритетной задачей является борьба за выживание, которая решается коллективно, а экономические интересы отдельного человека редко выходят на первый план [6, с. 58].

Бедные вообще не выделялись в (со)обществе как особая социальная группа. Они отличались от богатых не по количественному, а по качественному признаку, например, как крестьянин (бедный) от горожанина (богатый). Важнее были не экономические, количественные измерения материального состояния, а социально-статусные характеристики. Статус напрямую связывался с доступным стилем жизни и только опосредованно — с материальной состоятельностью человека. Нечто подобное характерно и для современного общества, когда с накоплением капитала (в первую очередь в городах) предметы быта оцениваются с точки зрения их престижности, а социальные группы отличаются друг от друга по демонстрируемой способности вести престижный стиль жизни. С той лишь существенной разницей, что материальный достаток и удовлетворение базовых потребностей доступны или считаются неотъемлемым гражданским правом преобладающего большинства населения. В этой связи современное стилевое разнообразие — проявление индивидуальности в ситуации «усредненного» массового потребления.

В условиях нерыночного общества, когда основным был мотив пропитания, а не прибыли, когда рыночные отношения, а вместе с ними и возможности бесконечного роста потребностей только зарождались, такие характеристики, скорее, отражали различия между городским и сельским образом жизни, между второстепенным и основным хозяйственным укладом. Материальное благополучие (богатство) было недостижимым для большинства населения и связывалось лишь с маргинальными на тот момент видами деятельности — торговлей и цеховым производством в городах. Не случайно определение «бедные» сочеталось с понятием «трудящиеся» (*labouring poor*) или «простолоудины» (*the poor commons*) [14, р. 399]. Бедными были все, кто не располагал доходами, чтобы жить, не трудясь, а это практически вся нация, за исключением разве что землевладельцев. Как отмечает А. Молла, бедняк отождествлялся с человеком, который в поле своими руками зарабатывает на хлеб насущный, не будучи уверенным в завтрашнем дне [5, с. 17]. Добавим, что в такой идентификации еще слабо прослеживалась другая отличительная черта неимущих: отсутствие

связи с сеньором и постепенное превращение в класс свободных работников. Таким образом, отнесение к бедным означало в широком смысле указание на непривилегированный статус большинства, а в узком смысле — на неустойчивость экономического и социального положения. Полагалось, что эта неустойчивость может быть обусловлена самыми разными обстоятельствами, что не предусматривало поисков каких-либо универсальных причин.

Ситуация кардинально изменилась с превращением капиталистических отношений в доминанту общественной жизни, начавшемся в европейских странах с середины XVIII в. В европейских языках появляется понятие «undeserving poor» для обозначения «трудоспособного нищего» с негативной коннотацией: не желающий работать и живущий на подаяния. Бедняк и нищий приравниваются к бездельникам и бродягам. Протестантизм стал провозвестником новой идеологии, где бедняк — грешник, а бедность — результат комбинации божественного предопределения и человеческой активности. Бедность начинают связывать с несоответствием индивида принятым нормам и требованиям, одобрявшим накопление и жажду наживы. Дух капитализма — стремление к законной прибыли в рамках своей профессии — постепенно вытеснял свойственные традиционализму привычное потребление и слабую заинтересованность в зарабатывании денег [2, с. 81–85].

Не претендуя на тщательный исторический анализ, приведем лишь некоторые интерпретации событий того времени, которые могут быть полезны для понимания столь резкой смены отношения к бедным и для осмысления современной российской ситуации перехода к рынку. В них отражены ключевые характеристики радикального изменения условий существования, спровоцировавшие, на наш взгляд, проблематизацию бедности.

Суть первого изменения достаточно точно выразил К. Поланьи, связавший особенность цивилизации XIX в. с ее подчинением идеологии саморегулирующегося рынка, с признанием экономического мотива оправданием и смыслом всех действий и поступков повседневной жизни [6, с. 41–42]. Данная установка была стержнем классического проекта современности, согласно которому капиталистическая трансформация требовала рационализации и индивидуализации экономических и социальных отношений, замены патриархальности и государственного вмешательства свободой частных производителей. Основаниями общественного благополучия признавались промышленное производство и свободные рыночные отношения, а условиями индивидуального выживания — оплачиваемая занятость и трудовой контракт. Это подразумевало доминирование экономических интересов, «естественное» стремление к прибыли и накоплению капитала, а также индивидуальную ответственность работников за обеспечение семейного благосостояния. Отсюда логично вытекало устойчивое и распространенное мнение о личных недостатках как

причине бедности, получившее научное оформление в социал-дарвинизме (Г. Спенсер [8], У. Самнер [17], Ф.Г. Гиддингс [3]).

Другое существенное изменение коснулось системных принципов организации рынка. Распространение товарных отношений не только на землю, средства производства и результаты труда, но и на рабочую силу привело к тому, что труд как товар согласно закону спроса и предложения мог быть оценен высоко или, будучи невостребованным, не оплачен вовсе. В свою очередь, принцип максимизации прибыли для капиталиста означал постоянное стремление к снижению заработной платы и без противодействия со стороны рабочих или государства вел к концентрации богатства на одном полюсе, нищеты — на другом. Эта закономерность была раскрыта в марксизме и использована для обоснования роста социальной напряженности и неизбежного конца капитализма.

Наконец, третье изменение касалось минимизации государственного вмешательства в защиту моральных принципов в рыночном обмене между трудом и капиталом. В эпоху раннего капитализма на государственную поддержку могли рассчитывать только нетрудоспособные граждане (одинокие инвалиды, вдовы, дети-сироты)². Однако и тогда государство постоянно вмешивалось и было важным фактором создания условий «свободного» обмена. Это вмешательство основывалось на трудовой этике и патриархатности и было не менее действенным, чем государственное регулирование. Трудовая этика подразумевала необходимость труда для обеспечения средств существования, продажа рабочей силы дееспособными гражданами становилась основным условием безбедного существования, а предоставление помощи было возможно только недееспособным. В свою очередь патриархатность подразумевала мужскую ответственность за содержание семьи, а потому отнесение одиноких женщин к числу недееспособных соответствовало стереотипам существующей гендерной культуры. Оплачиваемая занятость, мужская ответственность за обеспечение семьи и государственная поддержка нетрудоспособных были основными элементами повседневного уклада жизни, пришедшего на смену традиционному (дотоварному), связанному с землей, ремеслами и заботой сеньора. В условиях глубинного противоречия между стремлением к накоплению и необходимостью тотального овеществления для его реализации не только государственная политика, на чем настаивал К. Поланьи, но и реакции людей, на наш взгляд, оказывали существенное влияние на уровень бедности. Ее масштабы и глубина зависели как от соответствия темпов адаптации населения темпам экономи-

² Например, в Англии Закон о бедных 1834 г. отменил право неимущих на пособие и предписывал помещению трудоспособных в работный дом, «намеренно превращенный в обитель ужаса и омерзения» [6, с. 117]. Тем самым на пути утверждения рынка и интенсификации труда была снята преграда, сформированная так называемой системой Спинхемленда, обязывавшей компенсировать из средств местного прихода низкую заработную плату наемным работникам вне зависимости от их трудового вклада и выгоды, получаемой работодателем.

ческих перемен, так и от характера этой адаптации. Но значимость действия этого условия признается значительно позже и отчетливо проявляется в нынешних условиях трансформации.

Обоснованность данного утверждения можно проследить в распространенном тогда отношении к бедным, которые уже выделялись в особую социальную группу по критериям доходов или условий жизни. Но что еще более важно, внутри них проводилось различие между недееспособными и пауперами: между вынужденными безработными и работающими бедными. В этом проявилось не только желание отличить достойных помощи от недостойных, но и максимальная степень принятия тем сообществом рыночных, сугубо экономических правил игры. Бедным признавался тот, кто не мог трудиться, а потому выпадал из системы конкурентного рынка труда. В первую очередь это были нетрудоспособные, во вторую — пауперы, которые отличались от вынужденных безработных привыканием к лишениям, потерей чувства стыда за свое положение и полаганием на внешнюю помощь. Они представлялись наглядным примером негативного влияния безусловной социальной помощи (патернализма). Их отличала низкая интенсивность труда из-за отсутствия экономических стимулов, а неадекватная оценка стоимости их труда делала привлекательной жизнь на пособие или милостыню. Иждивенчество вело к накоплению лишений и последовательной деградации. Положение остальных всецело зависело от возможности найти работу. Работающим бедным, равно как и вынужденным безработным, при таком подходе было отказано в праве на государственную поддержку, а пауперы составляли предмет беспокойства и помощи по остаточному принципу. Такое отношение противоречило другому уже признанному тогда факту, что «если рабочий не в силах был зарабатывать на жизнь собственным трудом, то он являлся не рабочим, а паупером» [6, с. 114]. Еще смутно представлялось, что формы сопротивления работающих бедных низкой заработной плате или угрозе безработицы могут быть разрушительным и для общественного, и для государственного устройства.

В результате классическая социология XIX – начала XX в. сформулировала «естественное» представление о бедности как данности, заложенной в природе человека или общества. Практически все социальные ученые того времени (от К. Маркса [4] и Ф. Энгельса [9] до Ч. Бута [10]) признавали бедность закономерным явлением капиталистического общества. В то же время они считали возможным и даже нужным ее изоляцию и уничтожение, правда, предлагали разные способы: от постепенной эволюции до революционного переворота. Смысл всех мероприятий сводился к искоренению нищеты. Социальное пространство бедности было ограничено минимальными критериями выявления обездоленных: лишь те, которые существовали на грани выживания и не могли сохранить дееспособность в качестве рабочей силы, попадали в разряд неимущих. Данная позиция особенно характерна для детерминистского подхода.

Новое качественное изменение в восприятии бедных началось с середины XX в., когда обнаружилось, что свободного рынка, технологических инноваций и экономического роста недостаточно для искоренения бедности, что полное устранение государства от управления рынком и тотальным процессом ове­ществления рабочей силы деструктивно для социального порядка. Стало оче­видным, что масштабы бедности зависят от способности гражданского обще­ства защищаться от рынка и от способности государства участвовать в форми­ровании механизмов распределения благ не только на основании имеющихся у индивидов рыночных возможностей, но и вне товарных отношений.

С одной стороны, действуют рыночные механизмы, опирающиеся на про­изводство и связанные с положением работников на рынке труда, а с дру­гой — социальные механизмы, стратифицированные (движимые) принятыми в обществе представлениями о социальной справедливости, по-прежнему свя­занными с трудовой этикой и патриархатным гендерным порядком. Эти ме­ханизмы закрепляются в правилах решения материальных проблем на уровне домохозяйства и общества. Таким образом, институциональные фильтры — определенные институты развитого капиталистического общества — управляют социальными изменениями и структурированием неравенства в ходе ры­ночного обмена. Социального государства (всеобщего благоденствия), систем коллективных договоров, всеобщего образования и тому подобных институ­тов не было на заре индустриализации [12], но именно они оказывают мощное влияние на структуры неравенства современных капиталистических обществ.

Эти изменения привели к тому, что бедность социологами и политиками стала пониматься как системное, многомерное явление, зависящее от множе­ства постоянно меняющихся факторов [13]. Понятие абсолютной (материаль­ной) бедности уступило место новому понятию относительной (символиче­ской) бедности. Критериями ее определения признавались возможность и спо­собность следовать преобладающим стандартам потребления и образу жизни большинства населения, а также удовлетворенность своим социальным поло­жением. Методы диагностики и измерения бедности тоже все чаще основыва­ются на принципе относительности, который реализуется в сравнении стан­дартов жизни различных социальных слоев с наиболее распространенными стандартами, рассматриваемыми учеными в качестве социального минимума. При сопоставлении среднедушевого дохода, стандартов жизни и потребления устанавливаются число неимущих и масштабы проблемы. Бедность помещает­ся в континуум богатства и бедности: чтобы описать бедных или богатых, надо знать весь спектр жизненных стандартов.

Другое важное заключение касается признания гражданских прав на соци­альный минимум [15]. Вместе с этим утверждением окончательно прерывает­ся прежняя традиция «естественного» представления бедности как следствия нехватки ресурсов (у общества или индивида). Бедность — это отсутствие

гражданских полномочий, неспособность контролировать жизненную ситуацию, но только по сравнению с привилегированными социальными группами. Дискурсивное конструирование и воспроизводство непривилегированных позиций сопутствует процессу взаимодействия рынка и общества, индивидуальных стратегий выживания и политик управления бедностью. Так, по образному выражению М. Дина, бедность — это событие, связывающее прошлое и будущее, своеобразный знак перемен, продукт формирования и трансформации определенных дискурсов и управленческих практик в ходе формирования капиталистической экономики, рынка труда и капитала [11, р. 10].

В конструктивистской логике выделяются два важных инструмента по производству бедности: особая социальная политика и особые «формы жизни», т.е. способы организации повседневной жизни домохозяйств. Тем самым подчеркивается активное влияние дискурсивных, практических и политических действий на условия жизни, особые материальные основания для формирования бедности.

Сходство между Россией 1990-х гг. с западноевропейским XIX в. заключается в том, что одновременно со становлением капиталистических (индустриально-рыночных) отношений происходит «открытие» бедности как неприемлемого общественного феномена и источника социальной напряженности.

Бедность и бедные в СССР и в традиционных обществах (в докапиталистическую эпоху) воспринимались сходным образом. В обоих случаях можно говорить о существовании так называемой статистической бедности, отражающей лишь количественные различия между слоями по доходу или другим значимым стандартам жизни, но не предполагающей осознание группового единства или членства по этому признаку. К числу общих проявлений можно отнести и моральное одобрение аскетических форм существования. Официально бедность в Советском Союзе порицалась, но представлялась наследием буржуазного мира. На быденном уровне бедность не считалась пороком, и было широко распространено мнение, что «не в деньгах счастье».

При внешней схожести ситуации существуют радикальные отличия, связанные с высокой ролью социалистического государства в контроле за относительно равным распределением благ в обществе. Государственная система жизнеобеспечения была нацелена на удовлетворение элементарных человеческих потребностей. «Завышенные» потребности считались роскошью, однако и бедных как будто бы не было: нищенские стандарты жизни и модели поведения в дискурсивной практике не признавались массовым явлением. Не случайно на заре перестройки в опросах общественного мнения большинство россиян относило себя к средним слоям населения. Однако достигалось это «зависимостью от государства, доводящего каждого до уровня беднейшего» [1, с. 30].

На фоне сильной социальной политики советского времени кажется очевидным другое сходство между концом XX и первой половиной XIX в.: вера в саморегулирующийся рынок и в экономическое развитие как лекарство от бедности. Во всех постсоциалистических странах, в том числе в России, создаются новые институты, связанные с введением частной собственности и развитием предпринимательства. Ломается прежняя система распределения социальных гарантий и благ, и на ее месте формируется слабая система социальной защиты, ориентированная на поддержку наиболее нуждающихся. Меняется структура занятости: появляется рынок труда и безработица, происходит реструктуризация промышленности, как и в развитых капиталистических странах, растет частный сектор и сфера услуг. При этом нисходящая социальная мобильность широких слоев населения ведет к распространению бедности на работающее население; возникает социальная поляризация — концентрация богатства и бедности на разных полюсах общественного устройства.

При всем сходстве ситуации в постсоциалистических странах с «зарей капитализма» налицо принципиально важное отличие: отсутствие солидарного социального действия и перенесение ответственности за материальное благополучие на домохозяйство [1, с. 27] и разрушение (а не консолидация и формирование) формальных каналов (профсоюзов, коллективных договоров) решения трудовых споров и борьбы за повышение заработной платы. Формируются социальные механизмы индивидуального решения проблем, однако при этом только адресной помощью семей, оказавшихся в крайне трудной ситуации [7, с. 35], проблемы работающих бедных решить нельзя.

Таким образом, происхождение бедности тесно связано со становлением рыночного общества. Формирование капитализма (рынка) стигматизирует бедность как неизбежное и в то же время социально неприемлемое явление. Неизбежность бедности задается сугубо экономической логикой, согласно которой только постоянный рост потребностей и отсутствие гарантий прожиточного минимума способны поддерживать безусловный (свободный) рынок. Бедность провозглашается необходимым условием богатства. Радикальный экономизм всегда ведет к социальной деградации и мобилизации общества против рынка, к активному участию различных социальных агентов, в том числе государства, в процессе перераспределения материальных благ. При этом общественное осуждение бедности является важным, но не достаточным инструментом изменения условий существования.

Природа бедности зависит от сочетания рыночных и распределительных механизмов неравенства. Рыночные механизмы предполагают индивидуальную активность в достижении благополучия, но результат (скорость и высота восходящей мобильности) сильно зависит от классовой позиции, т. е. от положения в системе общественного производства и тех возможностей, которые оно предоставляет. Распределительные механизмы, напротив, полагаются на

принципы социальной справедливости, они обеспечивают безбедное существование вне рынка труда и вне зависимости от классовой принадлежности.

Нерегулируемый социально-экономический процесс ведет к усилению рыночных механизмов и критическому уровню социального неравенства, грозящему социальной дезорганизацией. В качестве противовеса деструктивным силам может мобилироваться либо коллективная (классовая или гражданская), либо государственная защита. Когда сформированные социальным противодействием рынка механизмы распределения превращаются в могучие инструменты перераспределения неравенства, когда классовые позиции перестают обуславливать материальный достаток, под угрозой оказывается эффективность рынка. Поэтому и в политическом дискурсе, и в общественнонаучном мы наблюдаем последовательное (маятниковое) доминирование жесткой и мягкой социальной политики, а также индивидуальных или социальных объяснений бедности.

Практическое действие социальных агентов и государства является важной составляющей в конструировании механизмов социального противостояния крайней поляризации. Бедность постоянно воссоздается и не только стратегическим знанием, включенным в управление бедностью, но и особыми стратегиями жизни в бедности. Поведение людей, испытывающих материальные лишения, может быть конструктивным, способствовать восходящей мобильности, а может стать деструктивным фактором и усиливать нужду. Особенно высока роль индивидуальной активности в периоды установления новых правил в условиях нормативного вакуума, когда люди активно участвуют в формировании своих позиций. По прошествии десяти лет реформ эйфория бескрайних возможностей сменилась разочарованием. Однако вопрос о том, насколько активность людей изменила их социальные позиции и материальное благополучие, остается открытым.

Библиографический список

1. *Буравой М.* Великая инволюция: реакция России на рынок // На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития / Под ред. В.Н. Лаженцева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2003. С. 13-54.
2. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. *Гиддингс Ф.Г.* Основания социологии. Киев; Харьков: Ф.А. Йогансон, 1898.
4. *Маркс К.* Капитал. Кн.1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
5. *Молла М.* Бедные и средневековое общество // XIII Международный конгресс исторических наук. М.: Наука, 1970.
6. *Поланьи К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
7. *Радаев В.В.* Экономическая социология. М.: Аспект Пресс, 2000.

8. *Спенсер Г.* Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. СПб.: В. Врублевский, 1906.
9. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.
10. *Booth Ch.* Life and Labour of the People in London. L.; N.Y.: Macmillan, 1902.
11. *Dean M.* The Constitution of Poverty: Toward a Genealogy of Liberal Governance. L.: Routledge, 1991.
12. *Esping-Andersen G.* Post-Industrial Class Structures: An Analytical Framework // Changing Classes: Stratification and Mobility in Post-Industrial Societies / Ed. by G. Esping-Andersen. L.: Sage, 1993.
13. *Ferman L., Kornbenn J., Harber A.* Poverty in America / Ed. by L. Ferman et al. N.Y.: Univ. of Michigan Press, 1965.
14. *Hobsbawm E.J.* Poverty // International Encyclopaedia of the Social Sciences / Ed. by D.L. Sills. N.Y.: Macmillan, 1968. Vol. 12.
15. *Marshall T.H.* Citizenship and Social Class // Marshall T.H. Sociology at the crossroads. L.: Heinemann, 1963.
16. Poverty // The Encyclopaedia Americana. Danbury, Conn.: Americana Corp., 1979.
17. *Sumner W.G.* The Challenge of Facts and Other Essays. N.Y.: AMS Press, 1971.